

А.Б. Страхов

ПИСЬМЕННАЯ ФИКСАЦИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ (мелкие наблюдения)

1. Д.К. Зеленин в своей старой, известной работе о “Троецпылятнице”, недавно переизданной, поместил извлечение из “Приложения к Вятским губернским ведомостям” за 1903 г., содержащее описание варианта обряда “троецпылятница”, известного в Яранском у. Вятской губ. под названием *шипшина*.

«В некоторых селениях Тожсолинской волости (Яранского уезда) существует суеверный обычай под названием “Шипшина”. Например, заболит у какой-нибудь женщины голова, то, чтобы излечиться от этой головной боли, она обещается сделать шипшину.

Этот суеверный обычай начинается так: два или три родственника больной женщины берут курицу и петуха и едут вместе с больной в церковь. Отслужив в церкви молебен и возвратившись домой, они извещают всех своих родственников о дне шипшины.

Ко дню шипшины каждый желающий участвовать при этом должен принести в дом больной женщины курицу и петуха, десяток яиц, муки, крупы и солоду по 5 фунтов и скоромного масла по 1 фунту». Далее следует описание ритуала, который представляет собой трехдневную молчаливую трапезу, совершаемую женщинами и мужчинами отдельно, без употребления ножей и т.д.¹

По убеждению Д.К. Зеленина, источник слова *шипшина* надо искать в черемисском (марийском) языке, и это тем вероятнее, что “слово *шипшина* отмечено лишь в Яранском уезде, где много черемис”. Зеленин видел в слове *шипшина* композиту и ее первую часть *шип-* сравнивал с марийским названием курицы *чибэ* или *чъйэ*, а вторую часть *-шина* – с мар. *чъйн* ‘истина, правда’. «Все это слово могло бы значить “истинная, настоящая, т.е. заслуженная курица”, как и естественно называть троецпылятницу»² (= курицу, трижды выводившую цыплят).

В комментарии к этой статье Зеленина С.П. Бушкевич и А.Л. Топорков отметили важное обстоятельство: «В обряде “шипшина”, известном в Вятской губернии, употребление курицы не является обязательным. В Этнографическом бюро кн. В.Н. Тенишева сохранилась запись о “шипшине” из Яранского уезда. В воскресенье, посвященное Женам Мироносицам, в деревнях Великореченской волости устраивалась коллективная трапеза наподобие братчины. Цель обряда – способствовать хорошему урожаю льна. В то же время некоторые особенности сближают его с троецпылятницей: к участию в нем не допускались мужчины и девушки; застолье устраивалось в доме вдовы или у малосемейных крестьян (Архив Российского этнографического музея, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 452, л. 8–10)»³.

Недопущение на *шипшину* мужчин и девушек, принятое в Великореченской волости, обусловлено календарной приуроченностью обряда

к дню памяти Жен Мироносиц (3-е воскресенье после Пасхи), почитавшемуся как исключительно женский праздник. Оба описания *шипшины* поведствуют о коллективной трапезе вскладчину, что позволяет видеть в слове *шипшина* диалектное шепелявое видоизменение слова *ссыпчина*, т.е. *ссыпчина* > *ссыпщина* > *ссыпщина > *шипшина* [шыпшына], – по слоговой регрессивной ассимиляции. У В. Даля (Даль³ IV, 492–493) на слово *ссыпчина* имеется выразительное указание: “Складчина, для общего празднества; крестьяне делают ссыпчины ячменя, солоду и др. припасов, для варки к празднику, особенно храмовому, пива и меду; девки варят в праздник *Кузьминки* (Кузьмы и Демьяна) кашу *ссыпчиною*, почему и праздник этот зовется *ссыпчины* [мн.], он же бабий, девичий, куриный праздник”. Далее слово *ссыпчины* мн. ‘складчина припасами на пиво’ приводится с пометой “(вят. и дрг.)”. Вероятно, и обсуждаемое вятское слово *шипшина* имело ударение на втором слоге. Это обстоятельство могло затруднить узнавание этого слова при записи устной речи, но главная причина затянувшегося на 95 лет его научного “неузнавания” заключается в другом: в наивной вере в этимологичность письменных фиксаций диалектных (и древнеписьменных) форм.

2. Вот свежий пример такой доверчивости. А.Е. Аникин, занимаясь расширением списка балто-славянских лексических сходжений, – занятие полезное, но и предполагающее большую требовательность к вводимому новому материалу, – вспомнил об одинокем псков. *лупоухий* ‘глухой’ (СРНГ 12, 203). Это слово возводится Аникиным (с оговоркой: “возможно”) к слав. **loroixъ(jь)*. Псковской форме предлагается (со знаком вопроса) в качестве параллели лит. *lupāusis* ‘существо со свисающими ушами’⁴. Но псковская запись неточно воспроизводит слово *глупоухий – с потерей г-, происшедшей то ли в силу его (инновационного) спирантного звучания, то ли просто по небрежности записавшего слово собирателя. Взаимные пересечения семантических полей слав. **glupъ(jь)* и **gluxъ(jь)* хорошо известны, известны они и в псковских говорах: *глуная полночь* = *глухá полнач* (Псков. словарь 6, 190, 192).

3. Мне уже доводилось комментировать такие подозрительные в смысле этимологии письменных фиксаций диалектные слова как *йрга* ‘козья или овечья шкура, выделенная под замшу’ (ср. *йрха*), *хó-литъ* ‘стричь очень коротко’ (ср. *гóлитъ*), *вдáка* ‘удача’ (ср. *удáка*), *гá-ти* ‘штаны’ (ср. *гáчи*)⁵, *корг* ‘мера длины’ (ср. *корх*)⁶. Эти слова, подобно не менее подозрительным формам *засвйгнуть*, *зачайтсья*, *зезл*, *кара*, *комляга*, *корбмный*, 2. *лбйга*, *ляхвá*, *моглявина*, *мочилён*, *нагбвчитьсья*, *надчёлатьсья*, *обчинить*, *огунять*, *опáсесать* (СРНГ s. v.), до освещения которых еще дойдет черед, зафиксированы обычно однократно и осели в диалектных словарях. В отличие от них слово *паутйна*, отражающее чью-то попытку передать локальную вариантную форму в соответствии с правильной, обще- и древнерусской формой *паучйна*, попало в литературный язык и обрело полнокровную жизнь⁷.

В ряде документов XVII в. и, в частности, в описи Патриарших вещей 1630 г., в записи, относящейся к 1629 г., фигурирует казанский ку-

пец-рыбник *Надѣя Свѣтешиниковъ*⁸. Свою фамилию он, как можно догадаться, получил от слова *свѣчешникъ > *свѣчечьникъ (от свѣчька). Эта фамилия с диалектным -т- вм. правильного -ч- в корне может быть поставлена в параллель к соотношению литер. *паути́на* и этимологического *паучи́на* (*раѡѣіпа).

Слова *паути́на*, *хѡлить*, *гѡти*, *могѡявина* подвергались этимологическому анализу⁹. Его ложное направление было предопределено доверием к этимологичности письменных фиксаций.

Два других моих примера не особенно свежи, но они возвращают нас к тому, с чего мы начали, – к терминологии русской духовной культуры. Эти примеры любопытны тем, что дали материал к некоторым обобщениям – лингвистического и культурологического характера.

4. В качестве единственной иллюстрации славянского чередования -ор-: -ур- Ж.Ж. Варбот указала на соотношение чеш. диал. *horopa* ‘суматоха’: рус. брян. *гары́ни* ‘горелки’¹⁰. Однако в брянском -ры- логично было бы сразу заподозрить белорусскую инновацию, особенно, если сопоставить брянскую запись со смоленской, более “этимологичной”, – *горы́ни* ‘горелки, игра’ (Опыт 40). В описаниях XIX в. великорусских и украинских горелок нередко встречается фраза, открывающая игровой диалог: “*горю, горю пень!*”. У украинцев диалог мог начинаться с “*горю, горю дуб*”, а сама игра порою называлась “*у горю-дуба*” или *plug. tant. гори-дубъи*¹¹. Таким образом, рус. диал. *горы́ни* (точнее: *горы́-ни*) оказывается лексикализацией (полной или неполной) сочетания двух слов: императива *горы́* и им. мн. от *пень*, оформленного по модели сущ. *plug. tant.* (ср. *горелки, прятки, салки, жмурки* и, наконец, *гори-дубъи*). Похожие сочетания императива с им. пад. сущ. реализованы в таких экспрессивных апеллативах, как *сорвиголовѡ*, *вырви-глаз* (говорят о чем-нибудь очень кисло), *вертихвѡст(ка)*, укр. *свербѣгуз* и в прозвищах типа др.-рус. *Падьнога*, *Обернибѣсъ*, укр. *Попйвода* и проч. Игра в горелки окрашена элементами брачно-эротическими, и глагол *гореть*, его формы и производные в игре метафорически изображают страстное желание, томление (ср. *ему загорелось*), как это свойственно метафорике восточнославянских любовных заговоров и фольклора в целом¹².

5. Б.А. Успенский в своей книге о культе св. Николая Мирликийского на Руси усмотрел “разительное сходство” этого культа с культом св. Параскевы (Пятницы). Серьезным аргументом в пользу этого сходства в глазах автора является то обстоятельство, что «в некоторых местах резные изображения Николы и Параскевы Пятницы объединяются под общим названием “пятниц”». И в “Указателе слов и выражений” при книге встречаем слово *пятница* с толкованием: “резное изображение св. Николая или св. Параскевы”¹³.

В почитании резных изображений этих святых Б.А. Успенскому видится продолжающаяся традиция почитания идолов Волоса (> св. Николай) и Мокоши (> св. Параскева), двух баснословных представителей древнерусского ‘языческого пантеона’, известного нам не столько по

средневековым свидетельствам, сколько по многочисленным реконструкциям и эзотерическим прозрениям ученых-беллетристов XIX–XX вв. Между тем под “резными изображениями” следует все-таки более подозревать рельефные иконы “на рѣзи” (как выражаются древнерусские описи церковной утвари), чем скульптуры (и тем более – идолы), хотя скульптурные изображения св. Николая (особенно характерные для культа Николая Можайского) проникали иногда на Русь с католического Запада, благодаря стечению разных случайных обстоятельств. Большим любителем церковной скульптуры был архиепископ Новгородский и Псковский, а потом митрополит всея Руси, Макарий (XVI в.)¹⁴.

Необычное употребление слова *пятница* при описании икон и иконостасов, действительно, можно встретить в старых документах. Например: Да иконъ п я т н и ц ъ большихъ Государскихъ праздниковъ были обложены серебромъ: икона Рождество Господа Бога Спаса (...); икона Стрѣтенія Господне (...); икона Богоявленіе Господне (...); икона Лазорево воскресенье (...); икона входъ во Іерусалимъ, etc. (1681 г.)¹⁵. Из этой цитаты следует, что *пятницами* в Твери могли называть иконы, изображающие ключевые моменты евангельской истории, и, если связывать это название с культом Параскевы Пятницы, то придется признать неограниченность претензий и возможностей этого образа в народном культовом и иконном почитании (и идолослужении?). О том же, по видимости, говорит и документ 1625 г., описывающий иконы Борисоглебского монастыря в г. Торжке: ...образъ Вознесение Господа нашего Иисуса Христа б о л ш а я п я т н и ц а прикладу гривенка...¹⁶.

Но не будем спешить с выводами.

В описании утвари храма Николы Чудотворца того же времени и места находим: ...дѣйсусъ в кіоте на краскахъ восемь образовъ п я д н и ц ъ два образа в тябле Никола чудотворецъ да п я т н и ц а Парасковѣя нареченная...¹⁷.

Любопытна двойственность обозначения одного и того же понятия в Сийском иконописном подлиннике Архангельской духовной семинарии 2-ой полов. XVII в.:

– л. 13 об.: *статья ѡ мѣсныхъ иконахъ и ѡ пятничныхъ егда надлежитъ помыть добрѣше...*

– л. 15: *кады чистить впадничны иконъ потребнв мыломъ чистымъ...*¹⁸.

Итак, если тождественность понятий *пядница/пятница* в описании церкви св. Николая Чудотворца в Торжке еще может оспариваться, то синонимичность прилагательных *пятничныхъ* и *падничны(х)* в Сийском подлиннике несомненна.

Только слово *пядница* использовано в описи 1582 г. церкви Троицы Троицкого монастыря (Сутоцкий погост): Да надъ царскими дверьми образъ Спасовъ нерукотворенный п я д н и ц а на краске, да Никола Чудотворецъ п я д н и ц а, на золоте, да образъ Христова мученица

6. Этимология...

Параскева нареченная *Пятница*, п я д н и ц а, на краске; да образъ Живоначальные Троицы на золоте, п я д н и ц а, да образъ Преподобный Варлаамъ, п я д н и ц а, на золоте...¹⁹.

Обратим внимание на соположение двух слов: образъ Христова мученица Параскева нареченная *Пятница*, п я д н и ц а, на краске. Порою такие соположения провоцировали путаницу. Ср. "...да в трапезе образъ нареченная п я д н и ц а Парасковгѣя вдѣянии писаны на золоте..." и "...да пятница Парасковгѣя нареченная..." (1625 г.)²⁰.

В применении к иконам первично, разумеется, слово *пяд(ь)ница*, т.е. икона размером в *пядь*, в четверть аршина. Ср. в описи 1582 г. Спасского монастыря, "что на Верянде рекъ": да образъ Пречистые больши п я д н и ц ы (...) да образъ Пречистые на золоте п о л т о р ы п я д н и ц ы²¹ или в "Материалах..." Срезневского (Срезневский II, 1793):

– *пядьница* – предмет мерою в пядь: – Пречисты(я) образъ Одегетрие пядница на золотѣ (*Лѣт. Новг. церк. 7066 г.*);

– *пядьныи* – в пядь мерою: – Иконы двѣ мѣстныя падоша и прочее пядныи иконы падоша (*Соф. вр. 7037 г.*).

Решающую роль в спорадическом преобразовании слова *пяд(ь)ница* в *пят(ь)ница* играло соотнесение слова *пяд(ь)ница* с *пядь*, звучащим как [*n'át'*]. Какое-то значение могло иметь внеязыковое обстоятельство – обилие икон величиной в пядь, "пядьниц", но вмешательство культа св. Параскевы (и его могучего "языческого прототипа") не понадобилось.

Подведем итоги наших мелких наблюдений. Недоверчивое отношение к письменным фиксациям позволило в загадочном *шипшина* увидеть шепелявую тривиальную 'ссыпчину', пополнение словаря Траутмана еще одной сомнительной параллелью предотвращено, славянское чередование *-ор-:-ур-* не получило реального подтверждения, культы свв. Николая и Параскевы удалось хоть в чем-то отстоять от паганомифильских поползновений романтиков. Удалось сделать очень немного, но есть надежда, что это небольшое привлечет внимание к большой (и болезненной) проблеме.

Средневековый писец допустил опisku или гиперкоррекцию, захотел блеснуть образованностью или просто ошибся, диалектолог и фольклорист второпях что-то недослышали или примитивно затранскрибировали услышанное, путешествующий иностранец использовал при записи чужой речи своего родного орфографического субстрата, редактор словаря пропустил опечатку, издатель древних текстов увидел в дурно читаемых фрагментах нечто оригинальное на месте тривиального, etc. В результате в научный оборот попали сотни письменных гапсаксов – благодарный и неистощимый материал для изысков лингвистического и культурологического остроумия. Да только ли в этих гапсаксах дело! Чуть речь коснется письменности, наивность лингвистов не знает предела. Раз написано *ostatke, same, vinovate*, вѣдале **Варлааме**,

дъжгъ или ноуѣгенѣ, значит, все это именно так и звучало в “живой речи”. Раз в славянских азбуках есть буквы *і* и *ѣ*, *з* и *ѡ* и *ѱ* и употребление их порою варьировалось, связывалось с определенными словами и позициями, значит, они изображали разные звуки и даже “фонемы”. А о том, что эта буквенная избыточность копирует избыточность среднегреческого алфавита, и варьирование употребления может зависеть от множества нефонетических (иногда фонетических, но не столь примитивно понимаемых) факторов, лучше не поминать, чтобы не натолкнуться на стену, сложенную из старых и новых учебников и предрассудков...

И все-таки разбирать эти завалы необходимо, не брезгуя мелочами и не щадя авторитеты и самолюбия.

Примечания

- ¹ Зеленин Д.К. Троецпыляница (Этнографическое исследование) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994, 116.
- ² Там же, 119.
- ³ Там же, 316–317.
- ⁴ Аникин А.Е. К изучению балто-славянских лексических связей // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995, 72.
- ⁵ Страхов А.Б. Критические заметки по поводу некоторых черт ‘кривичского’ диалектного наследия в интерпретации С.Л. Николаева // *Palaeoslavica* (Cambridge, Mass.). V. II, 1994, 258–259, 261–262, 279–282.
- ⁶ Страхов А.Б. По страницам Словаря русского языка XI–XVII вв. (замечания и поправки) // *Palaeoslavica* (Cambridge, Mass.) V. VI, 1998, 260–261.
- ⁷ Страхов А.Б. Критические заметки..., 282.
- ⁸ Савва, архимандрит. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. Изд. 3-е. М., 1858, 93. Ср. также: Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссiею, том V (1676–1700). СПб., 1842, 92 (№ 62: 1680 г.), 175 (№ 108: 1683 г.), 187 (№ 115: 1684 г.).
- ⁹ См. *паутѣна: Фасмер* III, 219; *хóлѣть: Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XII // *Этимология* 1981. М., 1983, 24; ЭССЯ, вып. 8, 61; *гáти: Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // *Балто-славянские исследования* 1986. М., 1988, 135–136; *моглявина: Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993, 199.
- ¹⁰ Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 222.
- ¹¹ См.: *Терецenco А.* Быт русского народа. Часть IV. СПб., 1848, 316–317; *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1865 (пер. 1994), 448–449; *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. III. СПб., 1872, 101 № 47; *Коринфский А.А.* Народная Русь. М., 1901, 303; *Потебня А.А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен // *Русский филологический вестник*. Т. IX. 1883, 123–124.

- ¹² Ср. Афанасьев А.Н. Указ. соч., 449–452; 454–456, 457–458; Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997, 234.
- ¹³ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982, 136, 242.
- ¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1848, 303–304.
- ¹⁵ Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь, 1901, 7.
- ¹⁶ Древние документы, касающиеся Тверской губернии. Писцовая книга г. Торжка и посада 7133 (1625) г. // Памятная книжка Тверской Губернии на 1865 год. Тверь, 1865, 27 (4-й пагинации).
- ¹⁷ Там же, 41 (4-й пагинации).
- ¹⁸ Симоны П. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Вып. 1 // Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXI. СПб., 1906, 198, 201.
- ¹⁹ Гневушев А.М. Церкви и ризницы трех монастырей Новгородской области по описи 7090–1582 г. // Сборник Новгородского Общества любителей древности, вып. III. Новгород, 1910, 7 (6-й пагинации).
- ²⁰ Древние документы... Тверской губернии..., 30, 41 (4-й пагинации).
- ²¹ Гневушев А.М. Указ. соч., 5–6 (6-й пагинации).

С.М. Толстая

ИГРАТЬ И ГУЛЯТЬ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ

Оба глагола включены в ЭССЯ, однако их праславянский статус неодинаков: в то время как первый имеет подтверждение во всех славянских языках и диалектах и обнаруживает поразительную устойчивость формы и семантики, второй широко (территориально и семантически) представлен лишь в восточнославянском лексиконе (причем засвидетельствован в письменных источниках не ранее XVI века), а в западно- и южнославянском ареалах имеет ограниченное распространение и редуцированный набор значений (сравнительно с восточнославянским).

Таким образом, интересующие нас лексемы никак не могут быть отнесены к праславянским синонимам, тем не менее они имеют одинаково широкий и во многом совпадающий спектр значений и выступают как семантически тождественные (и взаимозаменяемые) в разнообразных, в том числе достаточно специальных, контекстах. О причинах подобного семантического параллелизма следует говорить отдельно и лишь после того, как будут подробно рассмотрены и другие, далеко не единичные случаи такого рода. Прежде чем будет приведен соответствующий материал, необходимо сказать, что оба глагола и их именные корреляты и дериваты (*игра*, *игрище*, *гульба*, *гульня* и т.п.) обнаруживают семантическую близость не только друг с другом, но и с некоторыми другими лексическими группами, а именно с гнездами **vesel-* (*ве-*